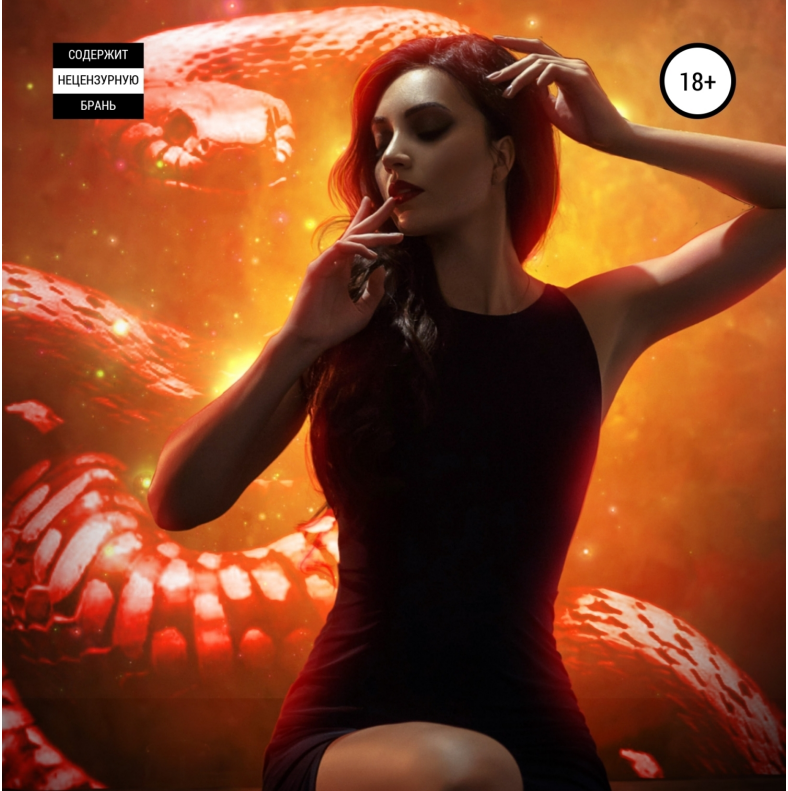

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЖЕРТВА

ЭМИ МУН

Эми Мун Жертва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67984169

SelfPub; 2022

Аннотация

На что не пойдешь, только бы избавиться от ненавистного замужества, а заодно из дома сбежать. Аэлиша решилась на смелый шаг – послужить Змеиному Богу. Хватит с нее измывательств родни и грязных домогательств жениха, навязанного против воли. Но кто же знал, что все пойдет совсем не так как должно было?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эми Мун

Жертва

Пролог

Пенька была крепкой и свежей. Девушка еще раз напрягла тело, пытаясь выдрать запястья из колючих пут. Напрасно! Ее палачи были слишком усердны и постарались сделать все, чтобы жертва не имела ни единого шанса ускользнуть. Мелко вдыхая через нос холодный воздух храма, она предприняла еще одну попытку успокоить колотящееся о ребра сердце. По коже волнами бегали ледяные мурашки, вызывая в теле мучительные спазмы. Или это из-за ее неестественно-растянутого положения?

Зал тонул в полумраке, и два факела, заботливо оставленные в качестве свидетелей ее кончины, бросали на замшелые, обглоданные временем и сыростью, стены причудливые переплетения теней. Они двигались, изгибались в каком-то диком, беззвучном танце, вызывающем в душе бесконтрольную панику, но закрыть глаза она не решалась. Потому что тогда точно бы сошла с ума от безысходности и страха.

Едва слышное шипение стало громче, и девушка снова затрепыхалась, пытаясь освободить связанные ноги и руки. А вдруг? Обнаженная спина терлась о грубые плиты древ-

него алтаря, но это было, в сущности, мелочью. Крохотным неудобством, не стоящим внимания. Гораздо больше ее сейчас волновал тихий шорох у подножья ступеней. Веревка больно куснула запястья, вгрызаясь в кожу сильнее. Проклятые узлы. Чем больше дергаешь, тем туже они затягиваются. Ей нужно было сразу вспомнить об этом, а не извиваться на жертвенном камне, как голодная пиявка.

По ноге скользнуло что-то холодное, и девушка замерла, затаив дыхание. Змеи. Они тут! Они пришли за ней! Гибкая, изящная смерть, не знающая ни жалости, ни пощады. Слух уловил знакомое потрескивание костяных погремушек. Гремучники. Что ж, по крайней мере, она будет страдать не очень долго. А может Единый... Тут девушка зло выдохнула. Единый? Нет! Он последний, кого она вспомнит перед смертью! Если он так добр, как денно и ночью поют в храмах, то разве допустил бы это все? По вытянутым над головой рукам скользнуло длинное тело и короткий треск раздался над самым ухом.

Она все-таки зажмурилась. Крепко-крепко, до пляшущих перед глазами искр.

– Шей...ссах... – губы конвульсивно дергались, с трудом складывая звуки в слова, – Шейссах. Прошу, будь милостив... Даруй б-быструю... быструю...

– С-с-с, – подсказали десятки тихих голосов.

Смерть, смерть, смерть. Вокруг нее и на ней. Ох, о чем она думала, на что надеялась тогда, несколько дней назад?

Ее планы казались теперь такими по-детски наивными. И все же... Не лучше ли так, чем изо дня в день с ненавистью встречать рассвет и с отвращением дожидаться заката? Горячая капля покинула плен крепко зажмуренных век и защекотала кожу, скатываясь вниз. Все-таки лучше! Погибнуть сейчас и не достаться никому. Она ведь так желала свободы! Но кто же знал, что ее освободит...

– Смерть! – выдохнула девушка и, не давая себе опомниться, разомкнула ресницы. Крик расцвел в груди и там же умер, не достигнув посиневших от холода губ. Последнее, что она видела перед тем, как погрузиться во тьму, – это необычно большие, желто-зеленые змеиные глаза.

Глава 1

5 дней назад.

– Аэлишка! Да где ж тебя демоны носят!

От громогласного рева дрогнул весь их домик, от флюгера до сараюшки. Девушка вскочила на ноги и заметалась по чердаку наперегонки с потревоженными воробьями. Когда папенька так орет – дело добром не кончится. Затрещиной наградит или хворостиной поперек хребта перетянет? Ой, только бы за плеть не взялся. С прошлого раза еле очухалась, старой ведьме Юмине последний серебряный кругляш выложила. Мазь против ран и рубцов недешево стоит.

Мысль "за что" давно уже не бередила голову. Сколько Аэлиша себя помнила, родители рьяно блюли одну из заповедей Единого – держать дитя в строгости. Вот только отдувалась она еще и за своих братьев и сестрицу. Ивимка клякс насадит в домовой книге – трещат волосы у Аэлиши на голове – почто за младшей не уследила? Братья с гулянки придут ободранные да хмельные – на, Алишка-раззява, тумака – чего молчала, когда эти двое гуляк сбегали? В саду работаешь, все видишь... А как не молчать? От матушкиного подзатыльника, да отцовского пинка встал, почесался, и дальше пошел, а вот Вириш и Коргас пощады не знали. С каждым дюймом роста погодки становились все злее и наглее.

– Аэлишка!!!

Подпрыгнув от страха, девушка бросилась к лестнице. Осторожно ставя узкие босые ступни на крутую лестницу, принялась спускаться вниз. Думай не думай, а к папеньке идти надо. И побыстрее.

Отец нашелся в спальне. Окна по случаю небывалой жары были распахнуты настежь, однако проку от этого было ни на грош. Вот уже третью неделю земли от Звездного озера до Игольчатого Хребта изнывали от зноя. Поговаривали, даже в столице днем невозможно было встретить ни одной живой души. Солнце палило так, что булыжники мостовых превращались в раскаленные уголья, по которым нельзя было ступить и шагу. Ввали, должно быть... Вот она прыгала по камням, когда посылали к роднику. Горячо, конечно, но терпимо.

Девушка нервно отряхнула не по росту короткий подол и тихо шмыгнула носом. Бочком пробралась в комнату и стала у самых гобеленов, на почтительном расстоянии от родительской кровати, где на белых и точно прохладных простынях раскинулся ее отец. Широкая грудь его вздымалась тяжело, со свистом и хрипами вбирая и отдавая застойный воздух. В комнате плыл тяжкий запах потного тела, и Аэлиша едва удержалась, чтобы не поднести сжатый кулачок к носу, но вместо этого тихо произнесла:

– Звали, батюшка?

Отец лениво оглядел ее с головы до ног и едва заметно шевельнул пухлой рукой.

– Воды неси. С родника. И живей шевелись.

Аэлиша тихо выдохнула. Солнце сегодня стало ее заступником. Крупному мужчине тяжело было справляться с жарой, особенно такой злой. Зато и ей прописать оплеуху лишней раз желания не возникало.

– Как прикажете, – и она тенью выскользнула в коридор. На радостях понеслась к двери, но тут же круто развернулась на пятках и поспешила к лестнице, что вела на второй этаж. Мать, наверное, с Ивимкой на пару киснет. Не спросить их – все равно, что добровольно в петлю голову засунуть. Неделю припоминать станут и точно отправят на кухню в помощь к новой поварихе. Нарочно что ли, выгнали добрую Тойку и взяли злую, как оголодавшая шакалиха, Милину? Девушка вздохнула, и разохшаяся половица жалобно скрипнула в тон ее печальным мыслям.

Сестра с матерью и правда обнаружили в детской. Обе развалились на кушетках и были похожи на лакомство, что торговец сладостями называл пудинг. Такие же рыхлые и влажные. Только мать была шире Ивимки раза этак в два.

– Матушка, простите за беспокойство. Отец к роднику шлет и...

– Неси, – сонно буркнула Омелия, – и с кухни фруктов захватишь.

Прошептав тихое «как прикажете», Аэлиша бросилась прочь из отчего дома. Именно в этот момент, пожалуй, единственная на многие мили вокруг, она мысленно благодарила

Единоного и солнце за усердную работу. Можно и лишний раз хоть ненадолго, но представить себя свободной, и на улице погулять, и... Тут Аэлиша даже крепко зажмурилась от удовольствия, морща облупленный нос. Можно к Храму завернуть. А что? Все равно рядом ведь.

Дорожная пыль легко взлетала из-под босых ступней и ровным слоем ложилась на кожу аж до середины икр. Аэлиша бодро размахивала ведром, вполголоса насвистывая под нос незатейливую песенку-смешинку, в которой богохульный бард призывал Единоного скоротать вечерок за чарочкой сивой самогонки. Одернуть проказницу было некому. Жители сидели в своих домах, как тараканы под веником, и не казали на улицу даже мизинца.

Покосившиеся от времени заборы неторопливо ползли за спину. Вообще-то, если верить слухам, в прошлом Ламорна считалась зажиточным поселением. Со всей Дивирии стекались сюда паломники. Спешили выразить почтение Шейсаху – Божественному Змею, повелителю Земли и Вод, что плещутся на земле и под ней. Но после того как пришла война, а с ней и вера в Единоного, Храм опустел, а торговые пути лежали далеко от здешних мест. Теперь жителей Ламорны кормили не священнослужители древнего бога, а собственные руки. Но это, конечно, не могло спасти некогда большое поселение от медленного превращения в дряхлеющую деревню. Молодые сбегали в город, где есть работа и какое-никакое движение в жизни, а семейные люди доживали тут, до-

вольствуясь редкими поездками в близлежащий городок на ярмарки. И она там пару раз побывала. Торговала зерном. Вот только после того, как отец заметил, что молодые мужчины останавливались не столько о ценах выспросить, сколько с ней парой слов перемолвиться, пришел конец ее поездкам. А с ними и надеждам на то, что найдется тот, кто не погнушается взять ее даже без приданного, ведь батюшка не дал бы за ней и ломаного гроша.

Аэлиша зло нахмурила брови и зашагала скорее, словно пытаясь сбежать прочь из опостылевшей деревеньки. И зачем отец сюда перебраться решил? Не беден же! Иногда, она будто бы припоминала, что раньше они жили в другом месте, но Аэлиша была совсем крохотной, когда Томасу вздумалось оставить прежнее ремесло купца и осесть здесь. Ее братья родились уже в Ламорне, а следом и сестра под это небо пришла. Ребенком стала последним, но зато любимым. Мать с отцом над ней, как над редким цветочком, тряслись. А вот старшую дочь хуже сорной травы считали...

Жилая часть селения быстро закончилась, затем мелькнули и пропали остатки опустевших хижин прежних жителей. Пыльная дорога под ногами сменилась вьющейся тропкой, и Аэлиша, не оглядываясь, спешила через поле и негустую рощицу к овражку, в котором прятался источник. Сухая трава длинными колосьями щекотала ноги, а вокруг надрывались ошалевшие от жары цикады. Аэлиша перевела дыхание и зашагала медленней. Сорвала пожухший лист лопуха и накры-

лась, словно платочком. Так-то лучше. Мучиться головной болью ей вовсе не хотелось.

Тропинка вильнула и стала спускаться вниз. Сначала едва заметно, а потом все круче. Вообще-то, сюда за водой давно не ходили, ведь сам источник находился около древнего Храма. Да и зачем, когда есть колодцы? Но в этом году засуха была так зла, что выпила даже самые глубокие. Аэлиша знала это, потому как даже староста уже неделю гонял своих работников сюда. Широкоплечие крепыши Сид и Никки таскали полные бадьи так легко, будто те ничего не весили. Встречая ее, плетущуюся с полным ведром, не гнушались помочь. Добродушно подшучивая, выхватывали из рук тяжесть и несли аж до самого дома.

Девушка улыбнулась. Мало кто в деревне был добр к ней. По пальцам одной руки счесть можно. Остальные обычно делали вид, что ее не существует. Их семейство недолюбливали. Тяжелый нрав отца быстро отпугнул тех, кто рискнул проявить доброжелательность. Особенно к ней.

Песок и мелкие камушки с тихим шорохом стекали вниз, когда Аэлиша скользила по тропке к журчащему источнику. Руки привычно цеплялись за кустарник и мелкие деревца. Шаг, еще шаг и вот уже в знойном воздухе разливается живительная свежесть. Девушка мысленно вознесла хвалу Шейсаху за оставленную для них воду и тут же попросила у Единого прощение за оплошность. Старые Боги давно канули в прошлое. Им не молились и не возносили хвалу уже много

поколений. Где-то в глубине души, на самом ее доньшке, Аэлиша тихо жалела об этом. Сказания о Древних Богах, которые в длинные дождливые сезоны она тайком подслушивала на кухне, заставляли сердце то трепетать, как крыло бабочки, то вовсе замирать. Они были такими... такими...

Нога подломилась и остаток пути Аэлиша проделала на заднице. Юбка безобразно задралась, оголяя исцарапанные загорелые ноги едва ли не до середины бедра. Треск рвущейся материи перекрыл даже звон цикад. Ой! Несмотря на жару ее продрал озноб. Ткань разошлась от подола и до пояса, бесстыдно выставляя Аэлишины тощие прелести на всеобщее обозрение.

Вот и закончилось ее счастье! Теперь, точно, трепки не избежать... Покряхтывая, Аэлиша поднялась на ноги и обтрясла пыль с платья. Если верить заповедям Единого, то испытания очищают душу, да и в худом можно отыскать что-то хорошее. Пожалуй, единственной радостью можно было считать то, что теперь матушка уж точно выдаст ей другую одежду. Вновь какое-нибудь рубище, но хотя бы более крепкое и, может, не такого ужасного, болотного цвета. Девушка обреченно сдула упавшую на лоб рыжую прядку и пошла подбирать ведро, которое откатилось к траве, что широкой полосой росла по берегу ручейка.

Немного подумав, сошла с утоптанной площадки и ступила на каменистое дно источника. Прохладная вода ласково защекотала ступни сотней маленьких, нежных ладошек.

Стараясь не поскользнуться на замшелых камнях, Аэлиша побрела вверх по течению. Исток живительной влаги, не пересыхающей даже в такую невыносимую жару, находился не где-нибудь, а у самого входа в храм Шейссаха. Местные туда не ходили. Боялись. Может, гнева Древнего Бога за то, что позволили храму прийти в запустение, а может, просто змей, которые в изобилии водились окрест. Поэтому и вытоптали тропку ниже по течению, не рискнули идти ближе.

Аэлиша внимательно смотрела под ноги, чтобы, не приведи Единый, не потревожить покой шипящих красавиц. Да, в отличие от многих, она страха перед змеями не испытывала. Полозов и ужей спокойно брала на руки, гладила точечное, изящное тельце. Любовалось красотой и хитрым узором гладких чешуек. А от гремучников держалась на почтительном расстоянии и никогда не мешала им своим присутствием. Не тронешь их – не тронут и тебя. Вот и вся наука.

Берега оврага ушли в стороны, образуя продолговатую чашу, и перед Аэлишей возникли две статуи, увитые пожухшим от жары вьюнком. Каменные наги. Не пощадило их время и дурость людей. Одна была сколота почти наполовину, а у другой отсутствовала левая рука и часть свернутого кольцом хвоста. Аэлиша называла их стражами. Во всяком случае, на обоих было надето что-то похожее на доспех. Широкий пояс закрывал живот, еще были наплечники и шлем. А больше ничего. Наверное, хвосты они оставляли свободными. И верно – какой прок от негибкого хвоста?

В паре дюймов от нее по воде скользнула тонкая тень. Полоз. И длинный такой, красавец! Девушка улыбнулась и неторопливо двинулась вперед. Раньше сюда спускались две боковые лестницы из камня. Ведь построен Храм был, как и полагалось для Бога-Змея, под землей. Ручей же был просто ручьем. У его истока, на гладких черных плитах, грелись хозяйки и хозяева этого места. А паломники, в знак своего уважения и преданности, оставляли рядом расписные блюдца со сладким молоком. Красивый обычай. Она порой тоже приносила молока. Тайком от всех.

На остатках камней, еще свободных от длинных стеблей травы угрелись два молоденьких ужика. Стоило ей приблизиться, как обе змейки подняли увенчанные оранжевыми пятнышками головы и предупреждающе зашипели. Аэлиша улыбнулась. Ужи так пугали не шибко сообразительных врагов. Не обращая на забияк внимания, она подошла к выложенной круглыми гладкими камнями купели и опустила туда ведро. Вода весело булькнула, заливаясь внутрь.

Вдруг сбоку раздалось знакомое потрескивание. Не только ужи пришли погреться у источника! Стараясь не суетиться, Аэлиша попятилась. Однажды ее кусала змея. Повезло, что гремучник был старым, а она к этому времени уже знала, что делать в случае укуса. От яда избавилась так хорошо и быстро, что рука почти не пострадала. Обошлось все легким отеком и лихорадкой на пару дней. Этот досадный случай научил ее быть еще более внимательной и осторожной.

Последний раз окинув взглядом полуразрушенный двор забытого храма, Аэлиша поспешила обратно.

Глава 2

Как ни странно, дома аэлишин ободранный вид встретили почти равнодушно. Мать побранила только, но милостиво разрешила перешить что-то из старых нарядов Ивимки. Сестра хоть и была младше почти на девять весен, но девицей была рослой – вся в папеньку. В свои четырнадцать Ивимия могла свалить одной оплеухой иного мальчишку-одногодка и в росте почти сровнялась со старшей сестрой, а по телосложению в кое-каких местах даже обогнала.

Весь оставшийся день Аэлиша провела на своем уютном, пахнущем сушеными травами чердаке. С любовью колдовала над доставшимся нарядом. Хорошее было платье! Почти новое. Скорее всего, пышные тела Ивимии, которые росли не хуже дрожжевого теста на пару, перестали помещаться в это замечательное платье прежде, чем сестрица успела его изгваздать. Аэлиша любовно огладила мягкую ткань, чудного изумрудного оттенка, шнуровка на боках была жемчужно-серой, под цвет вставок, как и широкие рукава в три четверти. Но самое главное, что юбка-колокольчик целомудренно прикрывала ногу до щиколотки. Уж теперь злые мальчишки не станут улюлюкать и бросаться непотребными словами ей в спину.

Как только платье было готово, Аэлиша поспешила сменить одежду. На радостях закружилась на месте, любуясь,

как раздувается податливая ткань юбки. Порывистым движением выхватила из волос заколку, позволяя им разметаться мягкими огненными волнами. Длинные косы Аэлиша не носила – хлопотно чересчур, но стригла не короче середины спины. Востормошив кудри пальцами, девушка мечтательно вздохнула. Вот бы в зеркало посмотреться! Не то, чтобы она хотела полюбоваться собой, но не раз от людей слышала, что Единый дал ей может и не самое красивое, но вполне милое лицо. А подходящий наряд, это всем известно, делает человека еще краше.

– Аэлишка, – донесся сварливый голос, аккурат около чердачной двери, – хозяйева требуют, чтоб ты к ужину явилась.

Сердце предательски екнуло. Зачем это Милине приказали ее к ужину позвать? Принимать пищу в окружении родных – то еще удовольствие. Бывало это лишь по большим праздникам, и то каждый норовил хоть словом, но указать Аэлише на незавидное место паршивой овцы.

– Сейчас спущусь, – отозвалась девушка. Тщательно прибрала волосы, она еще раз проверила, хорошо ли сидит платье и не грязны ли ногти на руках. Кажется, тут придраться не к чему... Аэлиша тяжело вздохнула и поспешила вниз. Опаздывать было нельзя.

Войдя в гостиную, девушка замерла на пороге, ожидая приглашения присоединиться к ужину. Украдкой покосилась на собравшуюся за длинным обеденным столом семью. Несмотря на жару, родители выглядели уж слишком тор-

жественно. Это не могло не насторожить. Матушка грациозно (ну по крайней мере, она так думала), обмахивалась веером, отчего многочисленные рюшки на декольте топорщились и колыхались, а отец прихлебывал вино, и судя по маслянисто поблескивающим глазкам, успел влить в себя не один стакан. Ивимка благополучно утащила на тарелку добрый шмат запечённого мяса и теперь интересовалась исключительно способом его разделки. Братья же бесцеремонно оглядывали Аэлишу с ног до головы. Коргас брезгливо и немного сонно. А Вириш... Девушка поспешила перевести взгляд на фарфоровые безделушки, что стояли на комоду у окна. То, что читалось в глазах ее толстогубого братца, вызывало мерзкое чувство где-то в районе живота.

– Явилась... Садись давай, – пропыхтел батюшка, отодвигая в сторону ополовиненный стакан.

Глядя себе под ноги, Аэлиша подошла к столу и заняла свое место рядом с Ивимией. Под благосклонные взгляды маменьки сестрица споро орудовала вилкой и не обращала на Аэлишу внимания. Ивимка не очень придерживалась правил приличия, но родители смотрели на это сквозь пальцы.

– Да благословит Единый эту пищу, – бросил папенька обыденную фразу, прежде чем самому потянуться за порцией рагу. Дождавшись, пока каждый из семьи нагрузит себе тарелку, Аэлиша потянулась к мясу. Что-что, а готовила Милина обильно и так, что просто пальчики оближешь. Аэлиша никогда не оставалась голодной. Может потому, что у роди-

телей все же имелась некая капля любви к старшей дочери, а может, просто здраво рассуждали, что голодный работник – плохой работник. И если раньше она наивно рассчитывала на первый вариант, то последние годы склонялась ко второму. Отрезав себе порцию от пахнущего пряными травами рулета, Аэлиша осторожно перенесла его на тарелку. Но не успела поднести ко рту и кусочка, как матушка, до этого молча махавшая своим веером, соизволила заговорить.

– Радуйся Аэлиша, просватали мы тебя.

Вилка звякнула о край тарелки. Даже Ивимка перестала есть и повернула голову в сторону сестры. Рыжеватые бровки вопросительно изогнулись.

– Просватали? – пискнула Ивимка, – За кого?

– Вот и мне интересно, – процедил Вириш.

Аэлиша сидела ни жива ни мертва. Над шеей словно взмахнули мечом, и девушка ждала, что вот-вот палач опустит руку.

Матушка мило улыбнулась.

– За господина Миррока.

Свист, и Аэлиша ощутила, как острая сталь пронзает плоть, перебивая кости и горло.

– За Душееда?

Широкая ладонь отца хлопнула по столу.

– Ты забываешься, девка! Для тебя он господин Миррок, жених и в будущем дорогой муж! Заруби себе это на носу и впредь не смей открывать свой грязный рот, не подумав!

Протестуяще замотав головой, Аэлиша вскочила на ноги. Стул с грохотом отлетел в сторону.

– Нет! Нет! Я... Я умру, но не позволю! Не позволю, слышите?!

Аэлиша метнулась к двери, но кто-то схватил за плечи и руки.

– На чердак ее! Запереть и не выпускать! – полетел в спину голос отца.

Девушка трепыхалась и билась, пока братья волокли ее к лестнице. Мир будто разверзся, и она падала вниз в пустоту, где не было ни света, ни воздуха. Отец с матерью не могли выдумать для дочери жестокости хуже.

Душеед был самым отвратительным и мерзким мужчиной, что девушке доводилось встречать. Тощий, крючконосый, он слащаво обнажал свои лошадиные зубы каждый раз, стоило ей пройти мимо. Вот только в глазах Душееда не было и тени улыбки. Холодно-серые, они будто пытались проникнуть глубоко в душу и вывернуть ее на изнанку. А совсем недавно, на четырнадцатый день рождения Ивимки, пока Аэлиша прислуживала, помогая обносить гостей едой и напитками, гадкий Миррок подождал, пока девушка станет рядом с ним, и сильно ухватил ее за ногу много выше колена. От неожиданности Аэлиша чуть не выронила поднос, за что получила упрек от матушки. А Миррок только оскалил зубы и елеиным голосом попросил "милую хозяйку" не сильно бранить "это чудное дитя". Девушка тогда просто сбежала,

не в силах находится рядом с Душеедом.

Когда братья подтащили Аэлишу к лестнице, девушка почти выбилась из сил.

– Ступай вниз! – рыкнул Вириш на старшего.

– Запереть велено, – заупрямился тот.

– Сам сделаю! Ну?!

Коргас, как всегда, уступил. Отошел в сторону. Аэлиша опять забрыкалась. Вырывалась и даже попыталась укусить, но ее держали крепко, а когда Коргас скрылся за углом, братец что есть мочи толкнул ее к стене. Затылок впечатался в камень и перед глазами вспыхнули искры, а оплеуха брата добавила к ним черных всполохов. Вириш крепко ухватил сестру за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Запомни, дрянь, раз уж такое дело, то мне плевать на запрет отца. Сливки все равно сниму я, а твой будущий муженек будет довольствоваться уже использованной женушкой! А теперь поцелуй-ка меня на ночь!

Надавив на челюсть так, чтобы ее рот открылся, Вириш прижался к девушке слюнявыми губами. Пропихнув язык внутрь ее рта, он стал им двигать и шевелить. Это было так гадко и неприятно, что Аэлишу замутило. Сообразив, что руки у нее свободны, девушка что есть силы отпихнула голову брата от своей, напоследок хорошо пройдясь ногтями по ключевой щеке. Вириш зло зашипел и вновь ударил ее.

– Вали на свой чердак, сестричка. Позже зайду, – пригрозил он.

Аэлиша рванулась наверх. Захлопнула дверцу и тут же бросилась искать что-нибудь тяжелое, чем можно было бы подпереть хлипкую преграду. Отыскав в углу какие-то доски, собрав в кучу все корзинки и притащив даже свой тюфяк, девушка кое-как соорудила нечто похожее на заграждение. Но как бы она не старалась, эта преграда не казалась достаточно надежной против полного силы Вириша. Пусть не с первого, так со второго толчка он просто разнесет все в стороны. В панике Аэлиша бросилась в свой угол, дрожащими руками сдернула с гвоздика швейные ножницы и крепко сжала их в кулачке. Она будет защищаться! Изо всех сил! Не сомкнет глаз всю ночь. Не подпустит никого! Пусть только попробуют, хоть пальцем, то она... она...

Аэлиша громко всхлипнула и тут же закусил губы. Но подступающую истерику уже было не остановить. Тело содрогалось и дергалось, будто девушка была марионеткой в руках сумасшедшего кукольника. Единый! Где же были ее мозги? Почему она не сбежала, пока могла? Пусть в никуда и наобум, но даже так это было хоть каким-нибудь шансом на нормальную жизнь. Без тирана отца и мегеры маменьки, без капризов сестрицы и злых шуток братьев. При воспоминании о Вирише опять подкатила дурнота.

Брат... Брат! Хотел с ней... Хотел ее... Аэлиша замотала головой, не в силах даже мысленно признаться себе в очевидных намерениях братца. Так вот что значил его странный взгляд! Его щипки и непонятные шуточки! Дура, ой дура...

Ноги подкосились, и Аэлиша по стене съехала на пол. Так и сидела в своем углу, тихо поскуливая и размазывая по лицу непрекращающиеся слезы. Ее и без того нерадостная жизнь в одночасье превратилась в кошмар. И как из него выбраться Аэлиша совершенно не знала.

Глава 3

Утро встретило Аэлишу жуткой ломотой во всем теле и отчаянной головной болью. Всю ночь девушка протряслась, сжимая перед собой ножницы и не спуская глаз с двери. Вириш не обманул. Пришел в самую темную темень. Она чуть не отдала Единому душу, услышав скрип отворяемого засова и тихое потрескивание наваленных около двери корзин. Пытаясь пробраться к ней на чердак, Вириш вполголоса сыпал угрозами и бранью. Какого страха натерпелась бедная Аэлиша – не передать словами. Но или братец и сам боялся поднять лишний шум, или дверь оказалась завалена лучше, чем она думала. Ушел Вириш так же внезапно, как и появился. Все оставшееся до утра время Аэлиша тихо причитала молитвы и давала Единому самые немислимые обещания, только бы появился шанс сбежать из этого проклятого места.

Засов опять скрипнул, и Аэлиша машинально вытянула вперед руку. Ножницы ходили ходуном так сильно, что еще немного, и поранила бы сама себя.

– Заклинила, проклятая... Аэлишка! Спишь что ли?

Услышав сварливый голос кухарки, девушка чуть не зарыдала от счастья. Со всех ног кинулась разгребать завал. Отбросив в сторону последнюю корзину, потянула дверь на себя. В образовавшуюся щелочку сразу протиснулась сухопарая фигурка Милины. Аэлиша так и кинулась ей под ноги.

– Милинушка, миленькая, спаси! Меня замуж за... за... – девушка осеклась под неприязненным взглядом женщины.

– Беда какая, – выплюнула Милина с ненавистью, – давно пора тебя с родительской шеи спроваживать!

– Да что ж я вам всем сделала? – прошептала Аэлиша, но кухарка не удостоила ее ответом.

Обойдя кругом, как нечто заразное, Милина пошла ставить на полочку поднос с чашкой и миской. Не долго думая, Аэлиша рванулась к выходу. Сбежит! Сейчас вот! Но судьба в который раз решила подшутить над ней. Побег закончился ровно в двух шагах от лестницы на чердак. Чья-то рука перехватила девушку за шиворот и дернула обратно.

– Куда же ты собралась милая? – зашипел в ухо Вириш. – Сбежать задумала, а?

Одной рукой он крепко зажал ей рот, а второй пребольно сжал грудь. Аэлиша затряслась от отвращения.

– Зря ты заперла дверь, сестричка, – хрипкое дыхание парня и его пошлые прикосновения заставляли ежиться и протестующе мычать. – Возможно, я был бы добр к тебе первый раз, но теперь... Хочешь отличную новость? Мать с отцом должна через пару дней съездить в город. Не в этой же... – его пальцы оттянули ворот платья, грозясь выставить на показ то, что приличной девушке прятать надо, – ...не в этой же тряпке тебя Мирроку отдавать. А я уж как-нибудь пропущу поездочку. Повеселимся-я-я...

Обслюнявив напоследок шею, Вириш поволок Аэлишу

обратно. Кухарка, появившаяся в дверях, почтительно склонила голову, пропуская молодого господина. Церемониться Вириш не стал, пихнул сестру внутрь, одарил сальным взглядом и с размаху захлопнул дверь. Торопливые шаги затихли, и чердак вновь погрузился в тишину. А девушка так и стояла, тупо глядя прямо перед собой. И если вчера она хоть и была в отчаянии, но все же робко надеялась на чудо, то теперь в душе царили безнадежность и липкий страх – бежать некуда. И Вириш... Он ведь добьется своего, найдет способ остаться и тогда... Во рту стало горько, и Аэлиша торопливо подбежала к кружке. Сделала пару жадных глотков, а оставшейся водой смочила кусок подола от старого платья и долго долго терла шею и лицо. Кожа уже горела, но она все равно чувствовала на себе его противные губы, а в ушах не смолкал дрожащий от злости и предвкушения голос.

Оставшийся день Аэлиша помнила урывками. Похоже, она все-таки уснула. Сразу после того, как опять завалила хламом дверь. Очнулась от жары. Телу было плевать на душевные терзания. Оно хотело облегчиться, а еще утолить голод и жажду. Но похлебка, что была в миске, своим запахом доверия не внушала, а воду Аэлиша потратила еще утром. Хорошо хоть ночной горшок как стоял в углу так стоять и остался. До вечера она лежала на тюфяке в состоянии болезненной полудремы. Вечером Милинка опять притащилась с подносом. Бранилась на чем свет стоит, что немощной женщине приходится ухаживать за молодой кобылой. Стиснув

зубы, Аэлиша молчала. Этой шакалихе станется ей в воду плюнуть со злости.

Минула душная ночь, а за ней еще один знойный, безрадостный день. Кожа уже чесалась от грязи и пота, но о мытье нельзя было и мечтать. А жара и не думала спадать. На третью ночь Аэлиша слонялась по чердаку, выискивая места прохладнее. Днем и вовсе не смела шевелиться, тихо вдыхая раскаленный воздух и отчаянно мечтая оказаться где-нибудь, где много воды и совсем нет ни ее семейки, ни уже опостылевшего Миррока. Время от времени девушка касалась теплой стали спрятанных под подушку ножниц. Если Вириш, и правда, удумает притащить сюда свою тушу, то его ждет не самый ласковый прием.

Однако этим же вечером произошло то, чего Аэлиша не могла представить себе и в самых изощренных фантазиях.

После вечерней трапезы она принялась снова заваливать дверь. Но не успела приладить на место последнюю корзину, как с улицы донесся неясный гул. Поначалу решила, что это в ушах шумит от жажды и жары, но нет, гул приближался и скоро девушка уловила многоголосое бормотание. Их песохранник вяло брехнул несколько раз, подтверждая присутствие гостей у ворот. Позабыв о слабости, Аэлиша подскочила на ноги и поспешила к слуховому оконцу. Беда только, что оно было совсем небольшим и выходило не на дорогу, а во внутренний дворик. Аэлиша привстала на цыпочки и усердно вслушивалась в нестройный гам множества голосов. Ка-

жется, они о чем-то спорили и спорили, надо сказать, долго и очень упорно. Она уже устала стоять, как вдруг все стихло. Пока Аэлиша решала, что же это могло быть, внизу послышался гневный голос отца, ему вторила истерично повизгивающая мать. А еще через минуту засов на двери отскочил в сторону. Кто-то попытался войти, но, встретив преграду, разразился бранью. Отец.

– Открывай! Живо!

Помявшись, Аэлиша неуверенно стала разгребать хлам в стороны. Возникший на пороге мужчина был зол, словно песчаный демон. И рожей такой же красный. Его тонкие губы кривились, словно он сдерживал в себе ругательства, а на лбу крупными бисеринами блестел пот. Однако в блекло-водянистых глазах отца притаился страх. Это было так странно, что Аэлиша растерялась и совершенно пропустила тот момент, когда Томас очутился подле нее. Девушка пикнуть не успела, как ее волосы оказались в крепкой хватке мясистых пальцев.

– Пойдешь со мной, – зло зашипел он. – Но если посмеешь хоть вздохнуть лишний раз без моего разрешения – пожалеешь, что вообще на свет появилась!

Аэлиша поспешно затрясла головой.

– Шевелись! – и девушку дернули в сторону двери.

В прихожей собралась вся их семейка вместе с Милиной. На фоне приодетых, надушенных до свербения в носу домоладцев, босая и давно не принимавшая ванну, Аэлиша вы-

глядела особенно жалко. Однако никто и не подумал картинно зажимать нос платочком и закатывать глаза. Все тревожно поглядывали на дверь, и даже братья растеряли всю свою браваду. Коргас был хмур и молчалив больше обычного, а Вириш все посматривал в сторону старшей сестры, словно пытаясь заглянуть в глаза. Отец кивком указал ей на дверь, и схватив за локоть, выпихнул во двор.

Аэлиша растерянно заморгала, увидев у ворот собравшуюся толпу. Лица у людей были напряженными и серьезными. Возглавляла это мрачное шествие Юминия. Ведьма глянула на Аэлишу из-под густой шапки черных с проседью волос, и пристальный взгляд карих глаз уколол девушку в самое сердце.

– Больна говоришь?! У-у-у, обманщик! – прокаркала ведьма, и погрозила отцу, как нашкодившему мальчишке.

Аэлиша поежилась. Юминия всегда была, что называется, юродивой. Вечно таскала на поясе холщовый мешочек, с потемневшими и отшлифованными временем рунами, вплетала в волосы странные вещи, чаще всего цветные шнурки или крупные бусины, а еще приторговывала микстурами и травами от разнообразных болезней, что особенно не поощрялось церковью. Ибо врачеванием могли заниматься лишь пресвятые братья и только с позволения Его Святейшества и Императорского совета. Но, конечно, не в каждой деревеньке, особенно такой глухой, как Ламорна, имелся свой лекарь. Вот и шли жители к тому, кто сохранил еще остатки древних

знаний и лекарские умения. В их поселке это была Юминия, которая сейчас, уперев руки в тощие бока, внимательно разглядывала Аэлишу.

– Похожа, – решила ведьма. – Идем!

Отец хотел было возразить, но суровая толпа угрожающе качнулась вперед. Испуганная Ивимка разревелась и прытко юркнула за широкую спину маменьки.

– Что ты опять задумала, карга? – проскрипел Томас сквозь зубы. – Изыди, не пугай детей!

Юминия не удостоила его ответом. Смело подошла почти вплотную и перехватила недоумевающую Аэлишу за свободную руку. С несвойственной для тощей фигуры ведьмы силой дернула девушку на себя. Удивительно, но отец отпустил. Аэлиша беспокойно оглядывалась, семеня за идущей впереди Юминией. Дорога вела на центральную площадь, но зачем и кому Аэлиша там понадобилась? И что значит это странное "похожа"? На кого? Одно было хорошо, ее семейка не смела подойти ближе, хоть и упрямо тянулась вслед за всеми.

– Женишка высматриваешь? – пробормотала вдруг Юминия.

Девушка от неожиданности сразу и не нашлась, что ответить, ведьма же расценила ее молчание по-своему.

– А он по тебе уже заскучал, на площади трется. Поцелуешь-то хоть красавца своего?

Аэлишу передернуло от отвращения. Перед глазами встал

образ «красавца» Миррока и его лошадиных зубов. Заметив гримасу отвращения на ее лице, ведьма вновь хрипло рассмеялась. Острые ногти больно впились в Аэлишину ладонь, и Юминия зашагала еще быстрее.

Дорога пошла в гору, выводя их к главной площади. На которой уже собралось едва ли не полдеревни. В дрожащем от зноя воздухе висело напряжение. Люди выглядели измученными жарой и от того злыми. Ведьма прытко подвела ее к помосту, с которого обычно делались объявления о произошедших новостях, будь то громкая казнь в столице или новость об очередном бастарде императора. Еще раз обернувшись на столпившихся людей, девушка неуверенно начала подниматься. Следом, словно бойкая молодка, взобралась Юминия. Махнула кому-то рукой, и к ним подтолкнули еще двух девушек. Жанну, дочку запойной ткачихи Меланьи, нагулявшей дитя неизвестно от кого, и сироту Нельгу. Девушки были ровесницами Аэлиши, на этом похожест, о которой толковала ведьма, заканчивалась. Нельга была довольно высокой и очень худой, с двумя приличными и по толщине, и по длине льняными косами и по-детски круглыми голубыми глазами. Жанна пошла в мать, смуглая, черноволосая и крепенькая. Аэлиша же могла похвастать крупными медно-рыжими кудрями и карими глазами, рост ее был средним, и худоба не казалась столь болезненной, как у Нельги.

По испуганному и недоуменному виду девушек Аэлиша догадалась, что они тоже не совсем понимают, ради чего их

привели сюда. Юминия еще раз внимательно оглядела их троих и удовлетворенно кивнула своим мыслям, а потом развернулась к толпе.

– Жители Ламорны! – неожиданно громкий голос ведьмы заставил девушек одновременно вздрогнуть. – Еще несколько дней такого пекла и посевы превратятся в ничто!

Народ хмуро молчал. Юминия озвучивала прописные истины. Благополучие целой деревни висело на волоске.

– Нас ждет голод! А вместе с ним болезни и мор! Мы...

– Стойте! Стойте!

Спотыкаясь через шаг и путаясь в длиннополой рясе, к ним спешил старый священник Адам. Распихав в стороны недовольно ворчащих людей, он подобрался к самому помосту и поспешил вскарабкаться на него.

– Ты! – узловатый палец обвиняющее ткнул в Юминию. – Ведьма! Еретичка! Что за паскудство родилось в твоей, терзаемой демонами, голове?!

Козлиная бороденка священника тряслась от плохо скрываемого гнева. В ответ ведьма расхохоталась, запрокидывая голову. Худые ее плечи вздрагивали и мелко тряслись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.